

3. Ильин И. А. Религиозный смысл философии / И. А. Ильин. М.: АСТ, 2003.
4. Бахтин М. М. К философским основам гуманитарных наук // Бахтин М. М. Автор и герой: к философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000. 336 с., С. 227-231.
5. Караченцева Т. С. «Автор и герой...» М. М. Бахтина: текст и контекст (Литература и философия в эстетическом дискурсе) // Научный журнал «Протей», №0, 2006 г. С. 57-69.
6. Рикер П. Герменевтика. Этика. Политика. Московские лекции и интервью / под ред. Степина В. С., Автономовой Н. С., Мотрошиловой Н. В. М.: Academia, 1995. 159 с.

*Сергей Васильевич КРАМАРУК —
соискатель кафедры философии*

УДК 004

КИСТЯКОВСКИЙ О СОЦИАЛИЗМЕ И СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕЕ

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена проблеме права как социального явления с точки зрения Б. А. Кистяковского, который придерживался позиции антропоцентризма. Изучение права как социального явления позволило Б. А. Кистяковскому найти точку соприкосновения права как сферы этических ценностей, с одной стороны, и права как культурного блага — с другой.

The author considers works of B. A. Kistyakovsky who being a confirmed anthropologist tackled law as a social phenomenon that allowed him correlating law as a sphere of ethical values and law as a cultural virtue.

Идеалистическая позиция Б. А. Кистяковского оформилась ввиду осознания им необходимости аналитически осмыслить подлинное научное значение социальных наук и науки о праве. Он полагал, что успехи социологии в XIX в. были по своему вдохновляющими: накоплена масса научно обработанных данных, обобщающая социологическая точка зрения соприкоснулась с рядом традиционных дисциплин — правоведением, историей, политической экономией и т. п., созданы сложные концепции — органицизм, психологизм и марксизм. Но методологическая ориентация науки о праве на совокупность гуманитарных наук, по мнению Кистяковского, была осуществима «только при посредстве как аналитической и критической проверки, так и того объединяющего разрозненное научное знание синтеза, которые даются философией вообще и философией культуры в частности» [1]. Именно философия культуры, по мнению Кистяковского, способна объединить гуманитарные науки в цельную систему научного знания.

Свою методологическую программу Кистяковский четко изложил в крупной работе «Общество и личность», высоко оцененной Г. Зиммелем и В. Виндельбандом. Перспективу данной программы ученый усматривал в увеличении научного потенциала социологии. Отрицая возможность нахождения руководящих методологических принципов на основе идеи о данности знания, о праве в известных фактах общественной жизни, ученый придерживался неокантианской методологии.

После знаменитого разгрома Московского университета, когда более ста преподавателей покинули кафедры в знак протеста против политики министра народного просвещения Л. А. Кассо, Кистяковский, как сторонник идей интеллектуального либерализма, присоединился к ним. Редактируя высокопрестижный среди специалистов журнал «Юридический вестник», Кистяковский обсуждал многие проблемы социологии. Практические интересы социальной политики он отразил в своей магистерской диссертации, которая сразу обратила на себя внимание прессы и научной критики. Диссертация представляла собой попытку соединить всю мно-

голетнюю работу в общем плане единого научного исследования. В ней были отражены практические интересы социальной политики. По мнению Н. Н. Алексеева, любое исследование, посвященное общим проблемам социальной философии и правоведения, должно было сверяться с тезисами этой работы.

Итогом публикаций Кистяковского русского периода стала работа «Социальные науки и право», представляющая собой продуманное соединение всех его публикаций. Том был задуман как методологическое исследование, разрабатывающее пути и средства получения научных социальных знаний, но так как эти вопросы интересовали его не сами по себе, а в абстрактной постановке, то результаты выстраивались в своеобразную социологическую систему. Первый раздел этой системы касался общества, второй — социальных норм, третий — институтов и последний — культуры.

Все эти темы Кистяковский рассматривал через призму неокантианской установки дуализма стихийности общественной жизни как причинности и сознательно-целевой деятельности, творчества человека как нормативизма. Данные сферы общества иногда функционируют независимо друг от друга, иногда пересекаются, тем самым усложняя социальную жизнь. Большую роль в т. н. «нормальном» обществе играют элементы культуры, которые превращают власть и все ее атрибуты в элементы «коллективного духа», т. е. общественного сознания [2]. Кистяковский считал, что ко всем предыдущим атрибутам власти вообще как социокультурного явления — престижу, авторитету, традициям, правообеспечению, насилию — время добавило самое важное — «идею власти», т. е. нравственно-правовое оправдание ее в глазах граждан. Как только власть теряет эту одухотворенную идею, она гибнет. Такой идеей в современных условиях становится «суверенитет самого права».

Вслед за П. И. Новгородцевым и В. С. Соловьевым Б. А. Кистяковский утверждает, что исторический процесс развития человеческого общества свидетельствует о постепенном осуществлении идеи справедливости. Это происходит потому, что человеку всегда и везде присуще стремление к справедливости, вследствие чего для всякого нормального человека существует известное принуждение не только судить о справедливости или несправедливости того или другого социального явления, включая право, но и признавать, что идея справедливости должна осуществляться в социальном мире и, следовательно, в праве [3]. Самостоятельность требований справедливости, этического долженствования и социального идеала Кистяковский ставил в центр формирования идеалистического течения, отдававшего приоритет творческой активности свободной личности.

Известный обществовед Н. И. Кареев, высоко оценивавший исследования Б. А. Кистяковского, называл его «философом, разрешавшим методологические проблемы в области социальных наук ввиду их глубокого кризиса» [4].

Когда Б. А. Кистяковский обращается к осуществляемости права, считая это свойство основным признаком права, он прежде всего имеет в виду те его стороны, которые отражают его как жизненное явление. В таком аспекте ученый предполагает право как субъективное, данное «в виде неисчислимого количества правовых отношений или прав и обязанностей, присвоенных всем членам того или иного общества...» [5]. Именно через временность субъективного права и составляющих его фактов Кистяковский показывает реальную протяженность права во времени. Отводя субъективному праву первичное значение, Кистяковский считал его культурной субстанцией права объективного: «Такое право, которое живет в народе и выражается в его поведении, в его поступках, в его сделках ... а не установлено в параграфах кодексом, конечно, не нуждается для своего осуществления в принуждении. Оно и является правом потому, что реализуется в социальной жизни, воплощается в виде «социального факта» [6].

Рассматривая право как социальное явление, Кистяковский оставался на позиции антропоцентризма. Основой прочного правопорядка Кистяковский выдвигал свободу личности и неприкосновенность. Он придавал первостепенное значение разработке правового идеала личности в противовес сверхличности Ницше, соборной и самодовлеющей. Именно в правовом идеале Кистяковский видел возможность синтеза дисциплинирующих свойств права и свойств, обеспечивающих внешнюю свободу индивида. Правовой порядок ученый определяет как «систему отношений, при которых все лица данного общества обладают наибольшей свободой деятельности и самоопределения» [7]. Изучение права как социального явления позволило Б. А. Кистяковскому найти точку соприкосновения права как сферы этических ценностей, с одной стороны, и права как культурного блага — с другой.

Приоритет социально-научного исследования права Б. А. Кистяковским определил поиск им наиболее целесообразной формы для правового государства как совершенного типа государственного бытия. Б. А. Кистяковский выдвинул идею такого расширения прав человека, которое могло бы превратить либеральное правовое государство в «социалистическое правовое государство», сохраняющее все достижения либерализма и являющееся наиболее полным раскрытием классической либеральной концепции человеческой свободы. Наиболее полно, по его мнению, воплотить «правовой идеал» был способен социалистический строй [8]. Отстаивая своеобразие модификаций политико-правовых идей в сознании каждого народа, Кистяковский предлагал признать концепцию «правового социализма» как компромиссное решение в качестве российского варианта теории правового государства, как отечественный правовой идеал.

Сочетание такой формы социализма, которая может осуществить социальную справедливость, и правового государства должно было, по его мнению, удовлетворить культурные элементы общества. В основе концепции правового социалистического государства Б. А. Кистяковского лежала убежденность в возможности полного переустройства государства в правовое явление. Обосновывая совершенство правового государства, Кистяковский считает, что именно оно создает те условия, при которых возможна гармония между общественным целым и личностью. Он пишет: «Здесь государственная индивидуальность не подавляет индивидуальность отдельного лица. Напротив, здесь в каждом человеке представлена и воплощена определенная культурная цель, как нечто жизненное и личное» [9].

Основные принципы правового государства, которые Б. А. Кистяковский вывел в работе «Государство и правовое и социалистическое», основаны на теории прав человека. «Государство, — считает он, — есть правовая организация народа, обладающая во всей полноте своею собственной, самостоятельной и ни от кого не заимствованною властью» [10]. Рассматривая государственную власть в правовом государстве, Кистяковский одним из первых в русской политической мысли поднял вопрос о легитимности власти, ее нравственном оправдании, понимая правовую власть носителем высокой нравственной идеи.

Кистяковский, полагая, что при социализме наилучшим образом будут реализованы либеральные ценности, ставящие во главу угла значимость жизни конкретных людей, социальную систему будущего видел в демократическом социализме. Он верил в возможность построения справедливого общества и проводил разработку тактических аспектов теории демократии в ее конкретно-юридическом преломлении. Сущность государства заключается в отстаивании солидарности людей, и, вступая в международное общение, оно ведет к выработке наиболее полных и всесторонних форм человеческой солидарности. Исходя из этого Кистяковский определял общее благо как формулу, в которой

выражены такие цели государства, воплощая которые «...государство облагораживает и возвышает человека... дает ему возможность развивать лучшие стороны своей природы» [11].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кистяковский Б. А. Социальные науки / Б. А. Кистяковский. Философия и социология права. СПб.: РГХИ., 1998. С. 226.
2. Русская философия: Словарь / Под общей ред. М. Маслина. М.: ТЕРРА — Книжный клуб; Республика, 1999. С. 227.
3. Кистяковский Б. А. Социальные науки и право / Б. А. Кистяковский. Философия и социология права. СПб.: РГХИ, 1998. С. 564.
4. Кареев Н. И. Основы русской социологии. СПб.: Изд-во Лимбаха, 1996. С. 144.
5. Кистяковский Б. А. Социальные науки и право / Б. А. Кистяковский. Философия и социология права. СПб.: РГХИ, 1998. С. 212.
6. Там же. С. 550.
7. Кистяковский Б. А. В защиту права // Новое время. № 20. М., 1990. С. 44.
8. Кистяковский Б. А. Государство и личность / К. Исупов, И. Савкин. Русская философия собственности (XVIII-XX вв.) СПб.: Ганза, 1993. С. 35.
9. Там же. С. 37.
10. Кистяковский Б. А. Сущность государственной власти. Ярославль, 1913. С. 6.
11. Кистяковский Б. А. Социальные науки и право / Б. А. Кистяковский. Философия и социология права. СПб.: РГХИ, 1998. С. 427.

Елена Васильевна **ВАСИЛЬКОВА** —
соискатель кафедры философии

УДК 004

ОТРАЖЕНИЕ КРИЗИСНЫХ ЯВЛЕНИЙ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА: КЛАССИКА, МОДЕРНИЗМ, ПОСТМОДЕРНИЗМ И БУДУЩЕЕ РОССИИ

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена русской языковой картине мира, исследуемой через литературу. Специфика национального менталитета четко просматривается в основных литературных направлениях, способствующих формированию национально-культурного мировидения и мироосознания человека, а также выполняющих и прогностическую функцию.

The author concentrates upon Russian linguistic map of the Universe reflected in fiction and traces how the peculiarities of national mentality is revealed in fiction of different literary movements.

Литература является неотъемлемой частью исследования языковой картины мира. Русская языковая картина мира, представленная в основных литературных направлениях, не только отражает, но и способствует формированию специфического национально-культурного мировидения человека. А поскольку русская литература выполняет и прогностическую функцию, то правомерно говорить и о прогностической направленности русской языковой картины мира.

«Область художественной литературы — это сфера, где проблематика исторической ментальности (или духа Времени) проявляется наиболее наглядно». [1] Определяя истоки словесной репрезентации культуры, И. В. Кондаков подчеркивает, что еще в древнерусской культуре Слово считалось универсальным посредником между Богом и человеком, а словесная деятельность подразумевалась как имеющая магическое воздействие на окружающий мир. Определяющим фунда-